

Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека»

Е.В. Масяйкина¹, С.Б. Владимирова²

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, 634050, Томск, Россия. E-mail: rector@tsu.ru

²Томский государственный архитектурно-строительный университет
пл. Соляная, 2, 634003, Томск, Россия. E-mail: pk@tsuab.ru

Статья посвящена исследованию лексико-языковых практик в повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» как одного из выдающихся произведений областнической литературы. Интерес Георгия Гребенщикова к областничеству связан с наследованием им идей Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, а также с конструированием автобиографического мифа: Гребенщикова называл областничество одним из ключевых элементов своей автобиографии. Повесть «Ханство Батырбека» воплощает интерес писателя к номадической культуре и объединяет этнографическую и художественную составляющие, рассказывая о проблеме интеграции кочевников в оседлое общество. В статье анализируются практики, к которым Гребенщикова прибегает для противопоставления культурной самобытности неевропейских народов Сибири и западной цивилизации, стремящейся к унификации. Уклад жизни героев и их национальная идентичность создаются в тексте повести такими лексико-языковыми средствами, как «говорящие имена», иноязычные вкрапления, в том числе данные в тексте без перевода. Таким образом, повесть Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» является продуктивным иллюстративным репрезентантом лексико-языковых практик сибирского областничества.

Ключевые слова: областничество, областническая литература, номадизм, иноязычные вкрапления.

Ideology of Oblastnichestvo as the Reflection of Russian Culture: Case Study of Lexico-Linguistic Practices in George Grebenshchikov's Story «The Khanate of Batyrbek»

E.V. Masyaikina¹, S.B. Vladimirova²

¹National Research Tomsk State University

34 Lenina Ave., 634055, Tomsk, Russia. E-mail: rector@tsu.ru

²Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering
2 Solyanaya Sq., 634003, Tomsk, Russia. E-mail: pk@tsuab.ru

The article researches lexical and linguistic practices in George Grebenshchikov's story "The Khanate of Batyrbek" as one of the outstanding works of regional literature. George Grebenshchikov's interest for regionalism is connected with the inheritance of the ideas of Nikolay Yadrinsev and Grigory Potanin, as well as with the construction of an autobiographical myth: Grebenshchikov called regionalism one of the key elements of his autobiography. "The Khanate of Batyrbek" embodies the writer's interest for nomadic culture and combines ethnographic and artistic components, processing the problem of nomads integrating into a settled society. The article analyzes the practices that Grebenshchikov uses to oppose the cultural identity of the non-European peoples of Siberia and Western civilization, which strives for unification. Characters' way of life and their national identity are created by such lexical and linguistic means as "speaking names", foreign inclusions, as well as those given in the text without translation. Thus, the story of George Grebenshchikov "The Khanate of Batyrbek" is an illustrative representation of the lexical and linguistic practices of the Siberian regionalism.

Key words: regional studies, regional literature, nomadism, foreign inclusions.

Г. Д. Гребенщиков – поэт и писатель алтайского происхождения, ориентировавшийся на ценности и идеи областничества, несмотря на эмиграцию (с 1920 по 1964 гг.), а также продуктивно внедрявший идеи областничества в автопереводы своих произведений.

Интерес Г. Д. Гребенщикова к идеям областничества продолжался, в том числе, в поздний период его творчества [Масяйкина 2021], что обусловлено рядом контекстов. В частности, деловыми и творческими контактами с Г. Н. Потаниным, который видел в Гребенщикове продолжателя областнической программы, активно поддерживал того в стремлении «подхватить знамя Ядринцева» (цит. по: [Казаркин 2004: 291]) и во многом повлиял на творческий путь молодого писателя.

Наследование Гребенщиковым идей Н. М. Ядринцева, в частности, проявилось в развитии идеи сопоставления путей развития Сибири и Америки. Ядринцев размышлял о данном вопросе в труде «Сибирь как колония» [Ядринцев 1892] и после поездки в мае-июле 1893 г. в США 13 ноября 1893 г. выступил на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Политехническом музее с докладом на тему «Переселенческое дело в Сибири и в Североамериканских штатах». Ядринцевым также задумывались труды «Сибирь и Америка» и «Путешествие в Америку. Очерки из жизни и истории европейских колоний». Взгляд на сопоставление данных регионов был перенят Гребенщиковым и воплощен им в реальность посредством творческого переосмысления в собственных произведениях, как художественных, так и публицистических. Так, в сборнике «Моя Сибирь» он рассуждает о перспективах сибирско-американского сотрудничества: «Будущие возможности установления этих путей <...> обещают настолько грандиозные и вместе с тем очевидные перспективы, что едва ли можно сомневаться в том, что именно на этой почве в близком будущем русские и американцы не замедлят войти в особую взаимную кооперацию» [Гребенщиков 2002: 186].

Другой аспект, обеспечивающий жизнеспособный интерес Гребенщикова к областничеству, напрямую связан с процессами конструирования автобиографического мифа [Горбенко 2016]. Так, Гребенщиков избрал областничество одним из ключевых элементов своей автобиографии. В частности, даже в поздний американский период жизни он активно упоминал Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и движение областничества в своих лекциях по истории Сибири [Масяйкина 2019], а также в труде «Моя Сибирь», подчеркивая их уникальную роль в культуртрегерских процессах, шедших в Сибири рубежа веков. Гребенщиков наделяет Сибирь, с одной стороны, ролью новой «русской идеи», центра культурного пространства русского мира. С другой стороны, он отмечает унификацию неевропейских народов Сибири из-за влияния западной культуры и цивилизации, потерю не только культурной самобытности, но и экологического синтеза с природой Сибири и Алтая. Сам Гребенщиков писал: «... всю свою жизнь старался словом и делом показать Сибирь как страну великого будущего с неограниченными красотами и богатствами» (цит. по: [Корниенко 1994: 136]).

Повесть «Ханство Батырбека» воплощает интерес писателя к номадической культуре, объединяя и этнографическую, и художественную составляющие [Масяйкина 2020]. В перечне изданий, созданных самим Г. Д. Гребенщиковым, повесть не зафиксирована как отдельное произведение, поскольку она была опубликована в составе двухтомного сборника «В просторах Сибири» (1913–1914 гг.) [Салимгерей URL]. Вячеслав Шишков в рецензии на первый том пишет: «Он [автор] любит и по-своему чувствует дикую красоту и мощь Алтая, любит киргизские степи с вольной жизнью ее обитателя – киргиза» [Гребенщиков 1925: 6]. Известны и иные прижизненные издания повести. В переписке с Т. Г. Гребенщиконой [Корниенко 1994: 40] упоминается издание повести во французском журнале «La Vie des Peuples» в 1924 г. По словам Т. Г. Гребенщиконой, «французская печать очень тепло отозвалась о произведениях Георгия Дмитриевича» (цит. по: [Корниенко 1994: 40]).

Сюжет повести сконцентрирован на жизни аула начала XIX века. Повествование охватывает относительно небольшой отрезок времени – около полутора лет. Главные герои повести – хан Батырбек, его 18-летний сын Исхак, невестка Бибинор, сродный брат Сарсеке, родственник жены Кунантай с женой и аульный мулла Карабай. В размеренную степную жизнь врываются драматические события. С каждым днем скудеет природа. Нет корма для скота, нет выпаса, казаки угоняют табун Батырбека в свою деревню, а следом – приходит джунт, приносящий множество смертей и скота, и людей, и в итоге угрожающий жителям аула голодной смертью.

«Ханство Батырбека» развивает тему разрушения традиционного уклада жизни кочевников – из-за голода младшие родственники Батырбека вынуждены идти работать на прииски, а сам он должен ездить по русским поселениям и торговать хворостом. Такая проблематика, безусловно, близка Гребенщикову как из-за следования инородческой программе областников, так и по автобиографическим причинам – дед Гребенщикова происходил из кочевников, что неоднократно подчеркивал писатель. Сам он владел казахским языком, и проблемы кочевого населения не являлись для него чем-то отдаленным и незнакомым. Т. Г. Черняева отмечает следующий факт: «В одной из лучших своих повестей, «Ханство Батырбека» (1913), Гребенщиков, по словам критика, создал «далеко не этнографическое описание жизни степных кочевников, а сильную, глубокую, значительную вещь, полную глубокого захватывающего драматизма» и показал «законченную картину гибели патриархальной, первобытно-библейской жизни под натиском культуры, но культуры нашей, “русской”» [Черняева URL].

Концентрация Гребенщикова на номадическом сюжете не случайна. Исходя из позиции Г. Н. Потанина, которой придерживался и Гребенщиков, Сибирь не была ограничена пределами Российского государства. Г. Н. Потанин воспринимал Сибирь в первую очередь как общность, границы которой простирались до Северной Монголии, включая в себя и северный Казахстан. Чрезвычайную актуальность в указанном контексте приобретает и инородческий вопрос. Как отмечает А. В. Малинов, «Вопросы метисации населения, сохранения самобытной культуры, перспективы ассимиляционного (но взаимовыгодного) поглощения инородных национальных элементов,

возвращение местной, в том числе и инородческой интеллигенции, – занимали не последнее место в учении областников. Поддержка и развитие коренных народов Сибири, по мнению областников, должны были стать "средством гуманизации сибирского общества" [Малинов 2012: 11]. Исторические, этнографические и статистические исследования сибирских инородцев, проведенные областниками, имели и большое научное значение, особенно это касается изучения кочевого быта и лесных культур [Масяйкина 2019].

Г. Д. Гребенщиков, находясь в поле областнической мысли, дает свой ответ на поставленную предшественниками проблему. Продолжая развивать идеи Г.Н. Потанина, воплотившего свои воззрения на инородческий вопрос в просветительском и научном ключе, он решает задачу средствами художественной литературы. Нельзя не отметить, что взгляд автора на интеграцию коренного населения далек от оптимистического – Гребенщиков с горечью описывает разрушение традиционного жизненного уклада племени и слияние героев с русскоязычным населением, жизнь которого также тяжела и безысходна.

Повесть не раз становилась объектом частных филологических исследований, в частности, в русле имагинальной проблематики. Л. И. Абдуллиной и П. В. Маркиной осмысляется имагологический код произведения: «...сам автор "Ханства Батырбека" оказался между двумя мирами. Принадлежащий русской цивилизации, пишущий на этом языке художник особенно внимателен к собственным корням: ханов-кочевников он видит в киргизах, перестающих быть для него "чужим" народом. Однако этнос помещается в хронотоп небытия, располагаясь по временной оси в прошлом, а по пространственной – в противопоставленном степи царстве подземного, загробного, смертельного» [Абдуллина 2017: 357]. Данную мысль закономерно продолжить наблюдением о действительном «троемирии» художественного пространства Гребенщикова.

Е. Г. Романова, находясь также в русле исследований транскulturности, изучает развитие Гребенщико-вым мотива аккультурации. Она отмечает, что автор, рефлексируя на тему взаимодействия оседлой и кочевой культур, раскрывает данный аспект средствами хронотопа: «Гребенщиков усиливает трагическое звучание повести через контраст зачина (великое прошлое) и финала (бесславное настоящее). <...> Пространство финала – уже не безбрежная степь, а душная шахта» [Романова 2019: 110].

Об особом статусе семейства, находящегося в центре повествования, говорят значения имен главных героев новеллы. Антропоним «Батырбек» подчеркивает принадлежность героя к княжескому роду, поскольку тюркский корень «бек» указывает на титул. То же значение имеет антропоним «Бек-Мурза», происходя из сочетания корней «бек» и «мурза», которые означают обладание титулом. Однако стоит помнить о популярности данных имен в тюркской культуре, и уже во времена Гребенщикова они давались не только представителям правящих родов. Тем не менее, при помещении сюжета в фольклорное пространство данные имена подчеркивают высокое положение героев, функционируя в своих прямых значениях. Так, «говорящими» являются женские имена – жены и невестки Батырбека. Имя «Бибинор», искаженное «Бибинур», означает «светлая девушка» («нур» – свет, «биби» – девушка, молодая госпожа), и Гребенщиков описывает ее до трагических событий новеллы как полную жизни, веселую, жизнерадостную молодую женщину: «Она была тоненькая, смуглая, с быстрыми, блестящими глазами и вечно смеющимся широким лицом». Имя «Айнеке» или «Айнек» в переводе с арабского означает «глаза», «глазастая», впрочем, в тексте реализован негативный аспект данного имени: Айнеке предстает перед читателем как старая, ворчливая женщина, всегда ищущая повод для недовольства невесткой и пристально следящая за ней.

Примечательно также имя сродного брата Батырбека – Сарсеке, восходящее к двум тюркским корням (сарь – желтый, созревший; секе – уважаемый, мудрый) и означающее человека, умудренного жизнью и опытом. Гребенщиков же в тексте дает Сарсеке определение «башковитый».

Областнические интенции в «Ханстве Батырбека» активно транслируются Гребенщико-вым через этнотопонимы и связанные с ними определения. Так, несколько раз в тексте «киргизское» противопоставляется «русскому» не в пользу последнего: «Кончал Карабай свои наставления всегда воспоминаниями о далекой старине, когда киргизская жизнь была еще полна приволья и когда степи киргизские не видели коварного "оруса" с его разрушительной сохой» (здесь и далее цит. по: [Гребенщиков 1913]) («орус» – от каз. «орыс» – русский); «Лишь немногие из киргизов видели, что года три-четыре назад здесь появился громадный серый обоз из телег и бричек, нагруженных домашним скарбом, засаленными мешками и грязными люльками... Людей было много, и они показались киргизам грязными и злыми, с тягучей русской бранью и крикливыми ребятишками».

Примечательно, что слово «черт» и его производные употреблены четырежды русскими рабочими, один раз – в адрес киргизов, и также в одной из сцен Батырбек обвиняет «орусов» в связи с «шайтаном»: «Тридцать три года орус богу не молился... Тридцать три года шайтана просит... Ты понимаешь? (...) Тридцать три года родную мать голодом держит... Тридцать три года орус обманывает и обижает бедных людей. Потом приходит шайтан... Потом орус отдает ему свою душу. Потом шайтан лезет, куда орусу надо». Однако Сарсеке, тот самый «мудрый и понимающий» человек, относится к русским беззлобно и с жалостью: «С русскими рабочими он [Сарсеке] не дружил, но и не ссорился, с любопытством присматриваясь к их еще более горькой, чем киргизская, жизни...»; «Плохо понимал Сарсеке русский язык, но все же понимал содержание разговора русских. Понимал, дивился и жалел их...». Таким образом, Гребенщиков, хоть и противопоставляет русскую культуру киргизской, хоть и связывает «вторжение» русской культуры с упадком культуры этнического меньшинства, все же делает это не как обвинитель, а как безмолвный наблюдатель межэтнического конфликта. Это также проявляется в стилистической окраске использованного автором заимствования «орус» (см. ниже).

Наряду с описанными выше способами реализации областнических интенций Гребенщиков активно прибегает к использованию иноязычных вкраплений и заимствований. Функционирование иноязычной лексики в

художественных текстах является предметом многолетней и продуктивной рефлексии ученых. Например, С. И. Манина рассматривает ИВ в аспекте прагматики, то есть как средство создания особых коммуникативных характеристик текста [Манина 2010: 95–98].

С. Влахов и С. Флорин дают иноязычным вкраплениям следующее определение: «слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда – оттенка комичности или иронии» [Влахов, Флорин 1980: 263].

Традиционно в переводоведении иноязычные вкрапления относят к безэквивалентной лексике, которая, как принято считать, обозначает реалии. В связи с этим С. Влахова и С. Флорина интересует вопрос четкого определения понятия «реалия» и его разграничения с иноязычными вкраплениями, экзотизмами, варваризмами, лакунами, а также способа передачи реалий в переводном тексте. Е. А. Вишнякова подчеркивает рефлексию исследователей, обращая особое внимание на следующий вопрос: «...авторы задаются аналогичным вопросом и в отношении иноязычных вкраплений, утверждая, что немаловажным фактором при переводе является степень знакомства читателя с вкраплением. Пожалуй, единственным положением, не вызывающим сомнения авторов, является случай, когда перевод вкрапления представлен автором в тексте, либо в следующей фразе» [Вишнякова 2017: 26]. Важно в данном контексте обратить внимание на позицию И. Левого, утверждавшего, что наиболее приемлемое решение перевода иноязычных вкраплений «перевести на свой язык важнейшие в смысловом отношении фразы и намекнуть на атмосферу чужезычности сохранением в переводе приветствия и кратких реплик, содержание которых ясно из контекста (особенно если основная мысль повторена в соседней фразе)» [Левый 1974: 138].

Представляется логичным разделить иноязычную лексику повести «Ханство Батырбека» на две группы: иноязычные вкрапления и заимствования. К первой группе относятся обращения, риторические восклицания и устойчивые выражения. Ко второй же группе принадлежат реалии. Иноязычная лексика относится к тюркской языковой группе, она не оформлена графически: автор приводит ее в кириллическом написании, что было характерно для дискурса областнической этнографии рубежа XIX–XX вв. [Масяйкина 2019: 11]. Такое оформление делает текст однородным, ИВ и заимствования не выделяются и воспринимаются читателем как органический элемент прямой речи героев и описаний рассказчика.

Рассмотрим ряд реплик героев, содержащих в себе иноязычные вкрапления. При описании невестки Батырбека Бибинор приводится ее реплика: «А?.. Не айтасын? Айт, не керек! Что ты сказал? Скажи что надо!» Здесь Гребенщикова приводит перевод вкрапления в следующей за ним фразе, что можно считать осознанным писательским решением, поскольку данное вкрапление представляется достаточно сложным для читательского понимания. Противоположная стратегия используется автором при введении в прямую речь обращений: «Ой-бой, тахсыр... Большая беда!», «Эй, Батырбек абзи...», «Тише вы, шайтаны!». Здесь автор не использует пояснений, поскольку предполагается привлечение читателем контекста, из которого становится очевидно, что «ой-бой» является восклицанием, выражающим недоумение и возмущение, «шайтан» представляет собой продуктивное заимствование в русский язык, означающее «черт», а «тахсыр» и «абзи» означают почтительное обращение к собеседнику.

Однако в тексте присутствует и ряд иноязычных вкраплений, которым не дается авторских пояснений и которые представляется проблематичным понять за счет контекста. Иллюстративным примером является фраза, произнесенная Батырбеком во время драки с русскими: «Батырбек с небывалой силой и негодованием, с неиспытанными еще властью и энергией крикнул: – Не-ге?». Данное восклицание означает «зачем?», однако автор не оставляет читателю подсказок о его значении, что потенциально генерализирует восприятие читателем данной реплики. Схожим образом функционирует восклицание «Остапыр, аллах!..», которое дважды произносят герои, когда в степь приходит джуг. Данное высказывание является производным от казахского «астапыралла», что означает «О Боже», «Не дай Бог», однако автор не дает никаких пояснений данному выражению, кроме контекстуальных. Также контекстуальное восприятие прямой речи читателем актуализируется в реплике «Драстий, рабати... Каков поживаешь?.. Мала-мала джерай?», первые две фразы которой являются измененными русскоязычными высказываниями, а последняя обозначает «ходите помаленьку?», где «джерай» является видоизмененным казахским глаголом «жүру» – «ходить».

Пограничным между данными двумя группами является предложение «Десять ханов пешком к джандаралу послал». «Джандарал» (каз. «жандарал») дословно переводится как «генерал», но в ряде высказываний приобретает контекстуальное значение «черт», «леший», что дает возможность осмыслить фразу как «десять ханов пешком к черту послал».

Согласно художественному замыслу Гребенщикова, персонажи-казахи говорят по-казахски, что подтверждается авторскими ремарками как в «прямом» («И заговорил с ним на родном своем языке», «и на своем языке доказывал ему»), так и в «обратном» направлении («он на плохом русском языке стал просить их», «ругая его на русском языке»), однако большая часть их реплик приведена на русском языке. Таким образом, иноязычные вкрапления являются маркером иноязычия, давая понять читателю, что герои говорят на казахском.

Заимствования в повести представлены в основном своем объеме реалиями казахского быта рубежа XIX–XX вв. Автором используются как более адаптированные лексемы, такие как «юрта», «джигит», «хан», так и менее, например, «кыстау» (каз. «қыстау» – место для зимовки, зимнее пастбище), «баранта» (каз. «барымта» – захват скота), «джайлау» (каз. «жайлау» – летнее пастбище), «колдун-баксу» (каз. «бакшы»). Данная группа иноязычной лексики, согласно Д. Э. Розенталю, выполняет функцию передачи соответствующих понятий и создания местного колорита [Розенталь 1974: 80–81]. Важно отметить, что в тексте не содержится сносок, объясняющих читателю значение данных понятий,

что переводит их в поле контекстуального восприятия. Однако же в автопереводе данной повести Гребенщиков провел дополнительную работу с реалиями, создав сноски, объясняющие ряд потенциально незнакомых англоязычному читателю слов: к примеру, джигит («djiguit» в авторской транскрипции) был объяснен автором как «perfect rider» [Масяйкина 2020: 438].

Особенным по функционированию и стилистической окраске является заимствование «орус», от каз. «орыс» – «русский». В прямой речи оно приводится без кавычек, в речи рассказчика – с кавычками, что свидетельствует об осознанном использовании автором данного этнонима и его оценивающим характере. Помимо этого, использование кавычек является симптоматичным свидетельством отстранения рассказчика от позиции героев и постулирования себя как «нейтральной стороны», не вовлеченной в сложные межэтнические взаимодействия русского и казахского населения степи.

Гребенщиков в данной повести рефлексировал на тему унификации неевропейских народов Сибири из-за влияния западной культуры и цивилизации, а также обращает читательское внимание не только на потерю ими культурной самобытности, но и на утрату экологического синтеза с природой Сибири и Алтая. Культурная самобытность героев выражена не только средствами реалий и сюжетных ходов (сюжет гонки за невестой), но и лексическими средствами, в частности, говорящими именами, выражающими характер и личные качества героев («светлая девушка», «глазастая», «мудрый, башковитый»). Также средствами культурной выразительности могут быть признаны иноязычные вкрапления, дающие понять читателю, что герои говорят на казахском, причем автор в ряде случаев не дает в тексте значений иноязычий, предоставляя читателю право самостоятельно понять смысл реплик, опираясь на контекст. Иноязычные вкрапления как несут коммуникативную функцию, присутствуя в обращениях, так и описывают реалии, характерные для степного быта рубежа XIX–XX вв. Так повесть Г.Д. Гребенщикова «Ханство Батырбека», воплощая интерес автора к номадической культуре, становится иллюстративным репрезентантом лексико-языковых практик сибирского областничества.

Литература

- Абдуллина Л. И. «Ханство Батырбека» Г. Д. Гребенщикова : авторский вариант имагологического дискурса / Мир науки, культуры, образования. - 2017. - № 2 (63). - С. 355-358.
- Вишнякова Е. А. Иноязычные вкрапления в эгодокументах русских классиков: на материале писем и дневников В. А. Жуковского: магистерская диссертация по направлению подготовки: 45.04.01 – Филология, 2017.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Международные отношения. М., 1980.
- Горбенко А. Ю. Жизнестроительство Г. Д. Гребенщикова : генезис, механизмы, семантика, контекст : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.
- Гребенщиков Г. Д. Моя Сибирь. Барнаул, 2002.
- Гребенщиков Г. Из моей жизни : странички автобиографии / Зарницы. - 1925. - № 1. - С. 5-15.
- Гребенщиков Г. Д. Ханство Батырбека. 1913. URL: http://az.lib.ru/g/grebenshikow_g_d/text_1913_khanstvo_batyrbeka.shtml.
- Казаркин А. П. Георгий Гребенщиков и областничество / Вестник Том. гос. ун-та. - 2004. - № 282. - С. 290-294.
- Корниенко В. К. Георгий Гребенщиков – последние годы жизни : часть 2 : из писем Т. Д. Гребенщиконой, Л. Ф. Магеровскому и Н. Н. Яновскому / Культурное наследие Сибири : сб. науч. ст. - Барнаул, 1994. - С. 127-143.
- Левый И. Искусство перевода. М., 1974.
- Малинов А. В. Философия и идеология областничества. СПб., 2012.
- Манина С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений. / Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. - 2010. - Вып. 1. - С. 95-98.
- Масяйкина Е. В. Имагинальное пространство степи в повести Г. Д. Гребенщикова "Ханство Батырбека" и ее англоязычных автопереводах / Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов VII (XXI) Международной научно-практической конференции молодых ученых (16-18 апреля 2020 г.). Томск, 2020. Вып. 21. С. 435-440.
- Масяйкина Е. В. Литературное наследие сибирского областничества: на материале архивов Г.Н. Потанина и Г.Д. Гребенщикова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2021.
- Масяйкина Е. В. Культурно-просветительская деятельность Г. Д. Гребенщикова в США: по материалам архива писателя / Нравственные ценности и будущее человечества (1155-летию создания равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием славянской азбуки посвящается...) : материалы XXVIII Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск, 15 апреля – 31 мая 2019 г. Томск, 2019. С. 77-80.
- Масяйкина Е. В. Совместные работы Н. И. Затопляева и Г. Н. Потанина: по материалам Научной библиотеки Томского государственного университета / Сибирский филологический журнал. - 2019. - № 3. - С. 9-19.
- Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского Изд. 3-е. М., 1974.
- Романова Е. Г. Аккультурация как объект художественного исследования в ранней прозе Г. Гребенщикова / Филология и человек. - 2019. - № 1. - С. 105-116.
- Салимгерей К. Х. Степные узоры в творчестве Г. Д. Гребенщикова / Русский писатель : Г. Д. Гребенщиков. URL: http://grebensh.narod.ru/stepp_patterns.htm
- Черняева Т. Г. Георгий Гребенщиков и его роман «Чураевы» / Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. URL: <http://akunb.altlib.ru/files/literaryMap/Texts/Grebenshikov/074.htm>

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб., 1892.

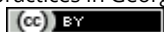
References

- Abdullina, L. I. (2017). "The Khanate of Batyrbek" by G. D. Grebenshchikov: the author's version of the imagological discourse. *World of science, culture, education*, 2 (63), 355-358 (in Russian).
- Chernyaeva, T. G. Georgy Grebenshchikov and his novel "Churaevs", Altai Regional Universal Scientific Library. Available from: <http://akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/Texts/Grebenschikov/074.htm> (in Russian).
- Gorbenko, A. Yu. (2016). Life-building of G. D. Grebenshchikov: genesis, mechanisms, semantics, context: candidate of philological sciences dissertation, Tomsk (in Russian).
- Grebenshchikov, G. (1925). From my life: pages of autobiography. *Zarnitsy*, 1, 5-15 (in Russian).
- Grebenshchikov, G. D. (2002). My Siberia. Barnaul (in Russian).
- Grebenshchikov, G.D. (1913). The Khanate of Batyrbek. Available from: http://az.lib.ru/g/grebenshikow_g_d/text_1913_khanstvo_batyrbeka.shtml
- Kazarkin, A.P. (2004). Georgy Grebenshchikov and oblatnichestvo. *Journal of Tomsk State University*, 282, 290-294 (in Russian).
- Kornienko, V. K. (1994). Georgy Grebenshchikov - the last years of his life: part 2: from the letters of T. D. Grebenshchikova, L. F. Magerovsky and N. N. Yanovsky. *Cultural heritage of Siberia: collection of papers*, Barnaul, 127-143 (in Russian).
- Levy, I. (1974). The art of translation. Moscow (in Russian).
- Malinov, A. V. (2012). Philosophy and ideology of regionalism. Saint Petersburg (in Russian).
- Manina, S. I. (2010). Pragmatic functions of foreign inclusions. *Bulletin of the Adyge State University, Part 2: Philology and art history*, 1, 95-98 (in Russian).
- Masyaikina, E. V. (2019). Collaboration of N. I. Zatoplyayev and G. N. Potanin: on the materials Scientific Library of Tomsk State University. *Siberian Journal of Philology*, 3, 9-19 (in Russian).
- Masyaikina, E. V. (2019). Cultural and educational activities of G. D. Grebenshchikov in the USA: based on the materials of the writer's archive. Moral values and the future of mankind (dedicated to the 1155th anniversary of the creation of the Slavic alphabet by the Equal-to-the-Apostles brothers Cyril and Methodius): materials of the XXVIII Spiritual and Historical readings in memory of Saints Cyril and Methodius Equal to the Apostles, Tomsk, 77-80 (in Russian).
- Masyaikina, E. V. (2020). Imagological space of the steppe in G. D. Grebenshchikov's "The Khanate of Batyrbek" and its English self-translations. *Actual problems of linguistics and literary criticism: collection of materials of the VII (XXI) International scientific and practical conference of young scientists (April 16-18 2020)*, Tomsk, 21, 435-440 (in Russian).
- Masyaikina, E. V. (2021). Literary heritage of the Siberian regionalism: on the material of the archives of G.N. Potanin and G.D. Grebenshchikov: candidate of philological sciences dissertationю Tomsk (in Russian).
- Romanova, E. G. (2019). Acculturation as an object of artistic research in the early prose of G. Grebenshchikov. *Philology and a man*, 1, 105-116 (in Russian).
- Rosenthal, D. E. (1974). Practical style of Russian, Ed. 3rd. Moscow (in Russian).
- Salimgerei, K. Kh. Steppe patterns in the work of G. D. Grebenshchikov, Russian writer: G. D. Grebenshchikov. Available from: http://grebensh.narod.ru/stepp_patterns.htm (in Russian).
- Vishnyakova E. A. (2017). Foreign inclusions in the egodocuments of Russian classics: based on the letters and diaries of V. A. Zhukovsky: master's thesis in the direction of preparation: 45.04.01, 136 (in Russian).
- Vlakhov, S., Florin, S. (1980). Untranslatable in translation, International relationships. Moscow (in Russian).
- Yadrintsev, H. M. (1892). Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms, Ed. 2nd, corrected and supplemented. Saint Petersburg (in Russian).

Citation:

Масяйкина Е.В., Владимирова С.Б. Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 90-95.

Masyaikina E.V., Vladimirova S.B. (2022). Oblasnichestvo ideology at the reflection of Russian culture: on the material of lexico-linguistic practices in George Grebenshchikov's story «The Khanate of Batyrbek». *Legal Linguistics*, 26, 90-95.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License